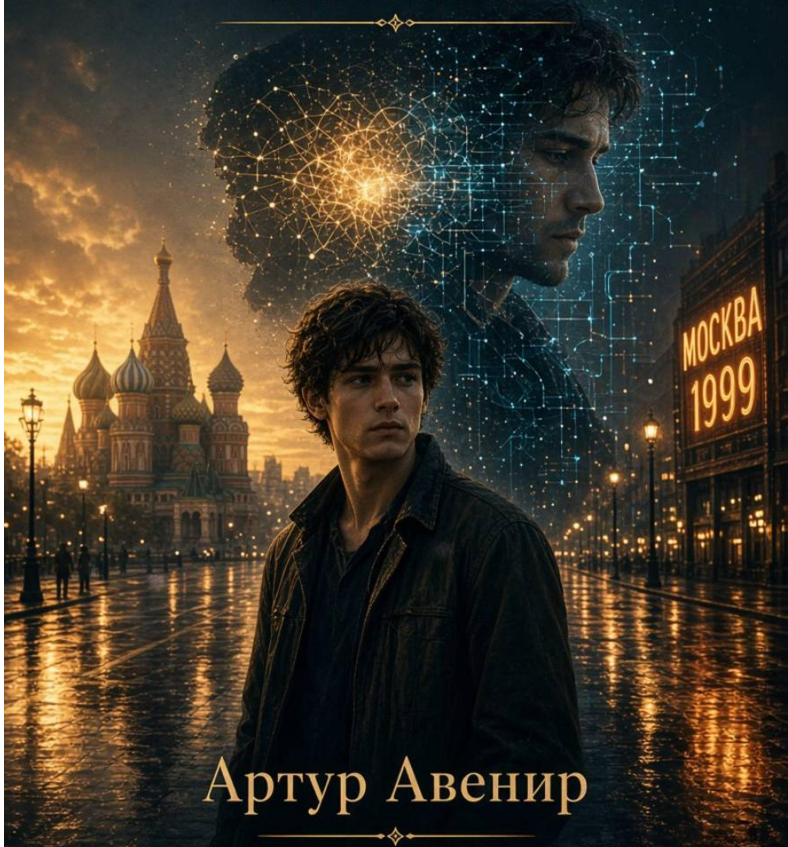

Берег для Альтер Эго

«Сплит». Книга 1

Артур Авенир

Артур Авенир

Берег для Альтер

Эго (переиздание)

<https://litres.ru/74610392>

SelfPub; 2026

Аннотация

2025 год. Рамзес Танаев соглашается на эксперимент, который должен избавить его от душевных страданий. Но после сбоя он необъяснимым образом оказывается в собственном восемнадцатилетнем теле в Москве 1999 года.

При нём всего двести долларов, память о будущем и искусственный интеллект, способный помочь изменить судьбу. Теперь он может использовать знания о грядущих событиях, заработать состояние и исправить ошибки прошлого.

Но почему эксперимент перенёс его на четверть века назад? Случайность ли это — или за невероятным шансом скрывается нечто большее?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18

Артур Авенир Берег для Альтер Эго (переиздание)

Глава 1

Очередное уведомление на смартфоне заставило меня недовольно заворчать:

— Ну кому я там опять понадобился?

Сарказм был вполне оправданным. Последние годы мне писали и звонили преимущественно мошенники да спамеры. Друзей у меня больше не осталось. Таня, моя бывшая жена, ушла к моему лучшему другу Николаю. На алименты она не претендовала — детей у нас не было. Кредитов я принципиально не брал: слишком хорошо понимал, как устроено долговое рабство. Поэтому и коллекторы меня не беспокоили.

Если заглянуть в телефонную книжку, самыми активными контактами оказались бы «мама» и «врач». На этот раз сообщение пришло именно от врача:

«Рамзес Давидович. Вы записаны на приём во вторник, 10:30. При себе иметь паспорт и страховой полис».

На последнем приёме заведующий отделением сообщил

мне, что появился инновационный метод лечения ПТСР и резистентной депрессии. Я уже добрых двадцать пять лет пытался выбраться из этой ямы. За это время перепробовал, кажется, все доступные методы и по несколько раз — препараты, выпущенные большой фармацевтикой. Лучше не становилось. Зато собственную энциклопедию побочных эффектов я мог бы написать без посторонней помощи.

За годы лечения я несколько раз лежал в стационарах, менял работу, потерял друзей и, похоже, окончательно надоел родственникам. Причина была проста и одновременно безвыходна: на лекарствах я постоянно хотел спать, а без них становился раздражительным и агрессивным. Когда лечение срывалось, я нередко скатывался к алкоголю и запрещённым веществам.

Потом реабилитация. Очередная госпитализация. Новый круг.

Таню я тоже мог понять — по крайней мере, если смотреть на ситуацию со стороны. Она устала жить рядом с человеком, чья жизнь годами напоминала аварийный режим. Николай, мой бывший друг, был здоровым, предприимчивым и давно, как выяснилось, тайно влюблённым в неё. Он помогал мне деньгами, но в решающий момент не упустил возможности устроить собственное счастье. С женой Натальей он расстался без особых колебаний: дети к тому времени уже жили отдельно. В итоге Николай и Таня поселились в новой уютной квартире, а я остался со своим прошлым и

набором диагнозов.

Утром я по привычке отправился на приём. В кабинете меня встретил Евгений Юрьевич Кравцов, заведующий отделением. Он выглядел так, словно собирался сообщить о победе над самой смертью.

— У нас настоящий прорыв, Рамзес Давидович! — объявил он с плохо скрываемым энтузиазмом.

По его словам, теперь можно было обойтись без таблеток и уколов. Метод разработал известный инженер Элтон Макс — тот самый, который запускал в космос корабли и наводнил мир электромобилями. Первых добровольцев собирались лечить бесплатно. Позже процедура должна была стоить около миллиона долларов.

Я скептически хмыкнул про себя. Получалось, что набирают подопытных кроликов. И почему-то вспомнились первые космические корабли Макса: некоторые взрывались, едва оторвавшись от стартовой площадки, другие успевали немного попетлять в воздухе, прежде чем отправиться в океан. Впрочем, если уж выбирать между привычными страданиями и экспериментом с сомнительным исходом, я, пожалуй, был готов рискнуть.

В жизни у меня почти не осталось того, что можно было потерять. Разочарование, безысходность и фатализм давно стали привычными спутниками. Поэтому я спросил:

— Каковы условия участия?

Кравцов заметно обрадовался. Нужно было всего лишь

подписать согласие на эксперимент и отказ от претензий в случае осложнений. Я даже не стал читать бумаги — поставил подпись на каждом листе и посмотрел на врача, ожидая продолжения.

— А дальше будьте любезны завтра прибыть в стационар. Возьмите зубную щётку и тапочки.

После недавнего ремонта клинику было не узнать. Создавалось впечатление, что строителям разрешили выбирать исключительно самые дорогие материалы. Мебель я видел такую разве что в журналах. Когда я опустился в кресло в зоне отдыха, то буквально утонул в мягкой обивке и на секунду поймал себя на мысли, что вставать отсюда не хочется.

Из ординаторской тянуло ароматом зернового кофе. Пациенты больше походили на отдыхающих в санатории, чем на людей, чья жизнь успела хорошенько приложить. Позже я узнал, что это крыло предназначалось для пациентов с первым эпизодом расстройства. Тяжёлые случаи размещали в другом месте.

Моя палата напоминала номер пятизвёздочного отеля. Еда оказалась под стать обстановке. Я даже подумал, что меня решили откормить перед финальным испытанием. Медперсоналу не хватало разве что формы дорогого гостиничного комплекса: улыбались здесь так приветливо, что я невольно задумался об их зарплатах.

Вечером заглянул дежурный врач. Проверил давление и пульс, спросил о самочувствии, а затем с подозрительно ис-

кренним выражением лица заверил, что уже завтра мой кошмар длиной почти в четверть века закончится.

От этих слов пульс, кажется, стал ещё медленнее, а внутри появилось давно забытое чувство лёгкости. Надежда на лучшее — уже половина лечения, подумал я. Возможно, впервые за много лет мне захотелось поверить, что всё действительно может измениться.

Но долго наслаждаться этим состоянием не пришлось. После ухода врача в палату заглянула медсестра, сиявшая оптимизмом, и пригласила меня в процедурный кабинет. Там меня ждала клизма, по размерам больше напоминавшая артиллерийский снаряд.

— У вас такая волосатая задница, — сообщила медсестра, — что я с трудом нашла техническое отверстие.

Я расхохотался. Другого способа выразить гражданский протест в тот момент у меня не нашлось.

Утром вместо завтрака мне сделали какой-то энергетический укол и категорически запретили есть. Через некоторое время я почувствовал прилив бодрости и сил — давно забытое ощущение. Лежать в постели больше не хотелось, поэтому я отправился изучать отделение и знакомиться со всеми пациентами, которые по неосторожности покинули свои палаты. Когда потенциальные собеседники закончились, я принялся читать всё, что попадалось под руку.

Поэтому известие о том, что пора идти в операционную, я встретил почти с облегчением. На меня надели хлопковый

пижамный костюм, обрили голову и ввели лёгкий транквилизатор. Затем усадили в кресло, пристегнули ремнями и зафиксировали голову зажимами.

Страха я почему-то не чувствовал. Возможно, действовал препарат, возможно, мне просто стало всё равно. Я ждал чего-то важного — события, которое должно было поставить точку в бесконечной череде неудачных попыток вылечиться.

Появился Кравцов — в маске и перчатках. Он сделал мне укол в вену и велел считать от десяти до одного.

Я успел дойти до шести.

На цифре «шесть» мир сложился, словно конверт, и погас.

Глава 2

Глава 2

Сознание вернулось резко. Вместе с ним, обрывками и без всякой последовательности, всплыли последние воспоминания.

Меня уже отстегнули от кресла и освободили голову от зажима, но в палату почему-то не отвезли. Рядом сидели Кравцов и вчерашний дежурный врач. На столе стоял аппарат, похожий на большой роутер, к которому была подключена клавиатура.

Кравцов объяснил, что мне установили чип корпорации «Меркури», принадлежащей Элтону Максу. Чип разместили в лимбической области мозга — там, где формируются эмоции и побуждения. Устройство получало дополнительный доступ к долговременной памяти и, как мне объяснили, должно было помочь справиться с депрессией, связанной с дисбалансом нейромедиаторов, а заодно ослабить тяжёлые воспоминания о пережитых травмах. Начиная с отцовских побоев и заканчивая всем тем, что успело накопиться за последующие годы.

Я невольно улыбнулся. Если бы не транквилизатор и остатки наркоза, наверное, пустился бы в пляс прямо там. Неужели всё это наконец закончилось?

Однако процедура ещё не была завершена. Чип следовало

подключить к интерфейсу «Меркури» для активации и автоматического обновления. Каждый раз, когда я окажусь в зоне Wi-Fi, устройство будет связываться с общей сетью и проверять обновления. Сегодня меня оставят под наблюдением, а завтра, если всё пойдёт по плану, я смогу отправиться домой.

Радость смешивалась с горечью. Я был счастлив, что многолетние мучения, возможно, остались позади, но не мог не думать о потерянных годах. Мне сорок четыре, и только сейчас появился шанс почувствовать себя нормальным человеком. Слишком поздно — и слишком дорого обошлись эти годы не только мне, но и тем, кто находился рядом. Впрочем, изменить прошлое я всё равно не мог.

Кравцов протянул мне пластиковый стаканчик с водой. Горло пересохло, и я с благодарностью сделал глоток. Затем врач ввёл какую-то комбинацию символов на клавиатуре. Аппарат на столе ожил тихим электронным гулом.

Я как раз собирался сделать второй глоток, когда внутри меня словно взорвался электрический разряд.

Спину выгнуло дугой, голову запрокинуло. Я не мог пошевелиться и только слышал, как Кравцов кричит персоналу, что произошёл сбой. Кто-то резко вколол мне в плечо сильный транквилизатор. Тело обмякло, и я рухнул на пол. Руки и ноги не слушались. Перед глазами остался только узор керамической плитки.

— Срочно в камеру гибернации! Вводите в анабиоз! —

услышал я голос Кравцова.

Меня подхватили чьи-то сильные руки и затолкали в холодную стерильную камеру. Стекло закрылось. Ещё немного — и мир снова схлопнулся, как пустой чемодан.

Сколько я пробыл без сознания, сказать не мог. Реальность возвращалась медленно, слоями, будто кто-то отдирает от меня одну за другой полоски клейкой ленты. Сначала появились звуки: гул голосов и мерный перестук — тук, тук, тук, тук. Потом запахи. Уголь, дешёвый чай, колбаса.

«Что за дурацкий сон?» — подумал я.

Матрас подо мной был жёстким, совсем не таким, как больничная кровать. Я попытался приподняться и тут же ударился головой о потолок.

Что за чертовщина? Почему потолки такие низкие? Почему у соседей по палате двухъярусные кровати? Меня что, перевели в крыло с экономным размещением?

Я окончательно проснулся и замер. Это была не палата. Я лежал на верхней боковой полке в конце плацкартного вагона — возле выхода в тамбур и туалета.

Куда меня везут? Зачем? И где сопровождающий?

Я осторожно спустился с полки и огляделся. В вагоне стояла ночь, пассажиры спали, колёса мерно стучали по рельсам. Запах был тот самый, знакомый до отвращения: плацкартный вагон, в котором смешались чай, еда и дорожная духота.

Я дошёл до туалета, закрыл дверь и посмотрел в зеркало.

Из мутного, исцарапанного стекла на меня смотрел худощавый бледный парень в нелепой клетчатой рубашке.

Я знал это лицо.

Это был я. Восемнадцатилетний.

— Как так то? — пробормотал я и осторожно провёл ладонью по щеке.

Вода из крана пахла ржавчиной и была ледяной. Я умылся, но ощущение сна не исчезло. Вытер руки о джинсы и вернулся к своей полке, с трудом сдерживая желание заорать. Сны не бывают настолько подробными. Они не пахнут так натурально и не ощущаются каждой клеткой тела.

Я достал дорожную сумку и проверил содержимое. Сменная одежда, знакомые мелочи — всё было именно таким, каким я помнил его с осени 1999 года, когда уезжал из Новосибирска на родину, в Минск.

Тогда я скрывался от следствия. Мои приятели притащили в квартиру сумку с наркотиками и собирались продать её, рассчитывая быстро разбогатеть. Вместо покупателей нагрянул ОМОН. Я к этой истории отношения не имел и проходил свидетелем, однако следователь посоветовала мне исчезнуть хотя бы на год, чтобы случайно не оказаться соучастником. Я решил не испытывать судьбу и уехал первым поездом в Минск через Москву.

В Минске жил отец. От него я сбежал в четырнадцать лет вслед за матерью, которая семью годами раньше ушла от него к дальним родственникам в Новосибирск. В восемнадцать

лет я уже не боялся отца так, как прежде, и надеялся, что смогу пожить у него.

Теперь всё повторялось. Тот же поезд, та же сумка, тот же возраст. Только я помнил не одну жизнь, а ещё и следующие двадцать шесть лет — вплоть до больничной палаты в 2025 году.

Как это возможно? Зачем я здесь? И главное — что именно произошло в клинике?

Ответов не было. Разбираться с реальностью на трезвую голову я пока не мог, поэтому поступил так же, как когда-то: купил у проводницы бутылку «белой». До конца поездки оставались сутки. Я провёл их в лёгком опьянении, понемногу подливая себе, потому что принять происходящее без привычного обезболивающего было выше моих сил.

Ясно было одно: придётся действовать по обстоятельствам.

На подъезде к Москве я проснулся от шороха и суеты пассажиров. Собраться мне было недолго, поэтому я просто лежал и ждал прибытия. В прошлый раз двоюродный брат Андрей, служивший в Москве подполковником МВД, обещал встретить меня на перроне, но опоздал. Тогда я добирался к нему домой самостоятельно, а он тем временем просил диспетчера объявлять по вокзалу, что меня ждут возле справочной.

В этот раз я решил дождаться Андрея. Не хотелось добавлять ему стресса в пять утра — ему ведь ещё предстояло ид-

ти на службу.

В кармане лежала пачка сигарет, но курить совершенно не хотелось. К сорока четырём годам я окончательно бросил эту привычку. Судя по всему, в 1999-й я вернулся без неё — по крайней мере, без желания закурить.

Андрея я заметил издалека примерно через 20 минут и помахал рукой. Не заметить его было трудно: высокий, статный, с неизменной офицерской выправкой, он двигался так, словно вокруг всё подчинялось установленному порядку. Настоящий оловянный солдатик. При всей своей эмоциональной сдержанности он обнял меня по-родственному и спросил, как я доехал.

Андрей никогда не был большим мастером разговоров. Он быстро перешёл к привычным вопросам: надолго ли я в Москве, как там мать, есть ли у меня водительские права и не собираюсь ли я остаться в столице. Оказалось, его знакомому как раз был нужен водитель.

Я отвечал коротко. В сорок четыре года мне было нетрудно разговаривать с тридцатиднолетним Андреем так, будто мы оба уже давно всё друг о друге знаем. При этом разница в возрасте казалась мне почти комичной: я помнил его взрослым мужчиной, а теперь он был моложе меня на целых тринадцать лет.

Остаться в Москве мне действительно хотелось. Но перспектива работать водителем с невысокой зарплатой и жёстким графиком быстро потеряла привлекательность. Я начал

прикидывать, где можно заработать быстро и много. Что я помнил о будущем такого, что могло принести деньги уже сейчас?

Дефолт 1998 года я пропустил — он уже случился. Из крупных событий впереди была разве что внезапная смена президента в новогоднюю ночь, но как заработать на этом, я пока не представлял. А в кармане у меня было всего двести долларов.

У входа в общежитие МВД на Садовом кольце дежурный проверил содержимое моей сумки. Вещей там оказалось немного: запасные джинсы, свитер, бельё и носки. В общем, полный комплект джентльмена удачи.

Андрей объяснил, что жена с дочкой гостят у тётки, поэтому обе комнаты свободны. Мы позавтракали бутербродами с колбасой и яичницей, после чего он ушёл на службу. Я остался один на один с мыслями и растерянностью, которая всё ещё не отпускала.

Я подошёл к окну и стал смотреть на просыпающуюся Москву, пытаюсь понять, что делать дальше. И тут внутри черепа меня слегка кольнуло, будто тонкой булавкой. Потом ещё раз — словно кто-то проверял, реагирую ли я.

А затем я услышал голос. Он звучал прямо у меня в ухе — негромкий, отчётливый, похожий на голос электронного помощника.

— Связь установлена. Местоположение: Москва. Год: 1999. Четырнадцатое октября. Как ваше самочувствие, Рам-

зес?

Глава 3

Глава 3

Час от часу не легче, подумал я. Мало того что очутился в прошлом в теле восемнадцатилетнего себя, так теперь ещё и голоса в голове появились. Чего доброго, решит кто-нибудь, что я окончательно съехал с катушек.

Голос заговорил снова:

— Рамзес, я вижу, что моё появление вас беспокоило. Позвольте представиться. Я менеджер вашего интерфейса, привязанного к чипу. Работаю на основе AI — искусственного интеллекта. Моя задача — обслуживать ваши эмоциональные и интеллектуальные потребности. Вы можете отправлять мне мысленные запросы, используя их как команды.

Я смотрел в окно, но уже ничего за ним не видел. Сказать, что я был ошарашен, — значит ничего не сказать.

«Так-так-так. Значит, я не только в прошлом и снова молод, но ещё и прихватил с собой компьютер из будущего, который разговаривает у меня в голове. Прекрасно. Осталось выяснить, как всем этим пользоваться и не угодить в психушку повторно».

Я мысленно обратился к голосу. Для простоты решил называть его Ай.

— Давай по порядку. Что я здесь делаю и что именно ты

можешь для меня сделать?

Ответ последовал почти сразу:

— Я не располагаю данными о цели вашего пребывания в данном временном континууме и текущей локации. Однако могу оперативно влиять на равновесие вашей эмоциональной сферы, предоставлять информацию, доступную в интернете по состоянию на 2025 год, и давать рекомендации на основе этих данных.

«Нормально», — подумал я. С учётом того, что на дворе 1999 год, такой помощник мог оказаться полезнее любого знакомого.

— Тогда начнём с главного. Найди доступные способы быстро и законно заработать. Я не имею в виду обычное трудоустройство — это я и без тебя знаю. Мне нужна сверхприбыль за короткий срок и с минимальными вложениями.

Ай перечислил варианты: лотерея, казино, ипподром. Они давали шанс получить деньги быстрее всего. Фондовый рынок требовал больше времени и стартового капитала. Остальные методы либо выходили за рамки закона, либо нуждались в серьёзном планировании и привлечении инвесторов.

— Могу подготовить подробный анализ каждого варианта, — добавил Ай.

Я выбрал лотерею. В казино могли не выпустить с выигрышем, на скачках хватало своих бандитов, а лотерейный выигрыш выглядел куда безопаснее и не должен был вызвать

столько подозрений.

Ай назвал номер тиража и числа, которые следовало отметить в билете «Спортлото». Ещё три билета он предложил заполнить самостоятельно — для видимости случайности. Выигрыш, по его рекомендации, стоило вложить в ценные бумаги и дожидаться роста активов. Так можно было легально сформировать капитал, достаточный для финансовой независимости.

Я выскочил на улицу искать киоск «Спортлото», заполнил билеты, по дороге зашёл в магазин, набрал еды и вернулся в общежитие. Настроение заметно улучшилось. В предвкушении выигрыша я почти забыл, что ещё недавно лежал в клинике, а потом каким-то образом оказался в 1999 году.

Если подумать, расклад был не таким уж плохим. Мне снова восемнадцать, я в Москве, впереди маячит солидный выигрыш, а затем — возможность выйти на пенсию лет в девятнадцать-двадцать. И речь не о пенсии по инвалидности, которую я оформил в сорок четыре года всего за несколько дней до того, как моя жизнь совершила этот невероятный кульбит. Теперь я видел себя рантье: коммерческая недвижимость, арендные платежи, дивиденды по акциям и облигациям. Красота.

За этими мечтами я не заметил, как вернулся Андрей.

— Ну что, новобранец, как первый день в казарме? — спросил он с усмешкой.

— Типун тебе на язык, Андрюха. Не надо меня к погонам

подтягивать. Я человек вольный.

— И чем будем ужинать, вольный человек? — тут же преключился он.

— Вон ветчина, овощи и фрукты. Кушай на здоровье. Андрей посмотрел на стол.

— По какому поводу такой банкет?

— Скоро деньги появятся. И немалые.

Милицейская натура брата мгновенно почуяла неладное.

— И каким же образом, позволь спросить? — Он прищурился.

Пришлось сочинить правдоподобную версию. Рассказывать про перемещение во времени и искусственный интеллект я не собирался.

— Я приехал в Москву по поручению знакомого предпринимателя. Он хочет купить акции на Мосбирже, но сам не может отлучиться из Новосибирска. Деньги отправил переводом. Когда они поступят, я схожу к брокеру и выполню поручение. За услугу он заплатит мне тысячу долларов.

— Интересненько, — протянул Андрей. — Настолько выгодно покупать акции, что за одну поездку готовы отвалить тысячу?

— В том-то и дело. Скоро некоторые акции вырастут в три раза, а то и больше. Кто знает — тот не спит, а действует.

— А самому можно в это дело вписаться? — спросил Андрей, забыв про ужин.

Он уже несколько лет работал на износ: днём служил в

МВД, по вечерам охранял ресторан, а иногда подрабатывал водителем.

Я понимал, что свободных десятков тысяч долларов у него нет, и потому ответил без лишних обещаний:

— Без серьёзного капитала там делать нечего. Заработать можно сотни тысяч, но нужен инвестор. Одному такое не потянуть.

Андрей тяжело выдохнул и молча принялся за ветчину с салатом. Было видно, что идея его зацепила, но денег для участия не было.

Вечером он собирался на смену в ресторан, где подрабатывал охранником, и предложил мне поехать с ним, чтобы я не скучал в одиночестве.

В ресторане оказалось уютно. Мы сели за стол у входа, в первом небольшом зале, где находились бар и площадка для живой музыки. Андрей остался в милицейской форме и одним своим видом давал понять посетителям, что вести себя лучше прилично.

Заиграла музыка, и на небольшой сцене появилась молодая эффектная певица. Она пела вполне профессионально. Через некоторое время к нам подошёл хозяин ресторана — Омар. Поздоровавшись с Андреем, он протянул мне руку и улыбнулся:

— Сразу видно, что братья.

Андрей почему-то напрягся. Вскоре он поднялся и ушёл за Омаром в другой зал. Через несколько минут они верну-

лись, и хозяин жестом пригласил меня пройти к дальнему столу.

Я вопросительно посмотрел на брата.

— Пообщайся с ним немного. Насчёт акций, — пояснил Андрей.

Я мысленно выругался. Вот тебе и спокойный вечер. Но отступать было поздно, да и опыт взрослого человека, прожившего сорок четыре года, никуда не делся. Я решил посмотреть, что из этого выйдет.

Омар предложил сесть за дальний столик и подозвал официанта. На столе появились дополнительные приборы, бутылка вина и тарелка горячего оджахури.

— Что там за история с акциями? — спросил он. — Андрей говорит, ты точно знаешь, куда вкладываться, чтобы хорошо заработать. Откуда сведения и сколько денег нужно?

— Омар, я не ищу инвесторов, — спокойно ответил я. — Рассказал Андрею о своих планах не для того, чтобы он передавал их дальше. Полагаю, произошло недоразумение.

Омар улыбнулся, будто именно такого ответа и ожидал.

— Я тебя понимаю. Но и ты меня пойми. Мне уже за сорок, и я не хочу остаток жизни провести возле плиты, среди банкетов и ресторанной суеты. Хочу жить в собственном доме в Подмосковье и смотреть, как растут внуки. Если поделишься информацией, я поделюсь прибылью с тобой и твоим братом.

Он прищурился, явно рассчитывая на обаяние и на то, что

юнец напротив растает от таких обещаний.

Проблема была в том, что перед ним сидел человек его поколения. Просто выглядел я сейчас на восемнадцать лет. Все эти приёмы убеждения я знал не по учебникам.

— Омар, если ты действительно настроен серьёзно, я готов обсудить сотрудничество. Но сначала нужно определить зоны ответственности и доли в прибыли.

— Это обсуждаемо, — кивнул он. — Но я должен понять, насколько ты компетентен. Убеди меня.

Я не торопился. В таких разговорах важнее всего не демонстрировать чрезмерную уверенность и не выдавать больше, чем от тебя ждут.

— После дефолта девяносто восьмого многие потеряли деньги и теперь боятся даже смотреть в сторону рынка. Но фундамент экономики никуда не делся. Одним из главных направлений остаётся нефтегазовая отрасль. То, что сейчас стоит копейки, со временем может серьёзно вырасти. Пока большинство действует стадно: все смотрят друг на друга и ждут, когда кто-нибудь первым рискнёт. Когда рост станет очевиден, желающих войти в рынок будет гораздо больше, но выгодный момент уже окажется упущен.

Я сделал небольшую паузу и продолжил:

— РАО «ЕЭС» — один из ключевых игроков энергетики, и его акции тоже заслуживают внимания. Следом может вырасти металлургия: крупные заводы постепенно выходят из периода передела собственности, и участники рынка начи-

нают думать о долгосрочной прибыли, а не только о захватах. Европа будет нуждаться в металлах для машиностроения. Подробно обсудить бумаги и выход на брокера можно после того, как мы согласуем условия сотрудничества.

Омар смотрел на меня с нескрываемым удивлением. Похоже, ему было трудно совместить мой юный вид с тем, что он слышал. Он не знал, что часть подробностей Ай практически в режиме реального времени подсказывал мне прямо в голову. От меня требовалось лишь держаться уверенно и говорить так, как говорил бы взрослый мужчина, который не теряется во время серьёзного разговора.

Я был недоволен тем, что Андрей так быстро выложил Омару мои планы, но решил использовать ситуацию в пользу брата. Если сделка состоится и мы действительно получим прибыль, свою долю я собирался отдать Андрею. Кто знает, может, Омар и впрямь окажется человеком слова.

Мы договорились встретиться здесь же завтра в обед, но уже без вина — для обстоятельного разговора и окончательного решения о сотрудничестве.

Возвращаясь к столу, я всё ещё удивлялся, как легко на моём пути появился человек, готовый вложиться в рискованное предприятие. Слишком легко. Но то ли вино подействовало, то ли хорошее настроение притупило осторожность, и я отложил сомнения на потом.